

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.4-7

ГЛАВНАЯ БАБУШКА

**ЗОЛОТОЙ
КЛАД**

СТР.20

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№23 (208)
ИЮНЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

**УРОКИ
МУЗЫКИ**

СТР.14-17

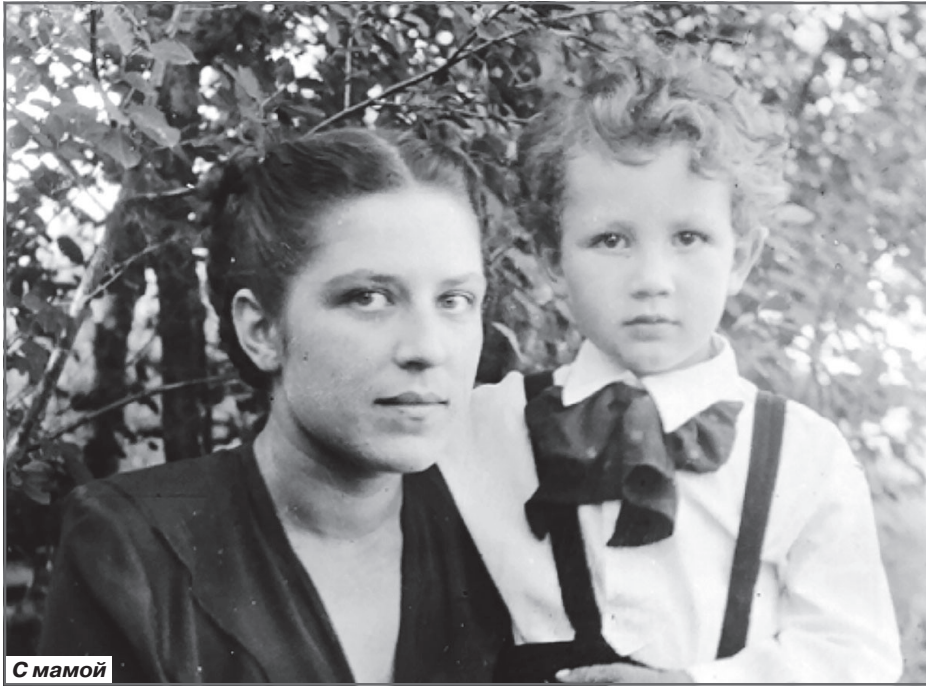
МУШКЕТЕР И ЗВЕЗДОЧЕТ

СТР.8-11

МУШКЕТЕР И ЗВЕЗДОЧЕТ

Только перечисление его званий и наград составило бы целую страницу. Но превыше всех званий для него - человеческое достоинство. Он - личность, неповторимая и яркая. Заслуженный деятель искусств и Народный артист Святослав Бэлза много лет работал ведущим на телеканале «Культура», был председателем жюри Бунинской премии, последние два года - президентом Российской Академии Искусств.

С мамой

Детство

Геннадий Норд

- Где-то есть в Европе город Бэлз. Просвети.

- Город Бэлз - очень древний, упоминается в «Повести временных лет» у Нестора-летописца. Он находился недалеко от Львова. В словаре Брокгауза и Ефрона есть статьи о Бэлзском княжестве и о епископстве. Когда я был маленький, папа и мама рассказывали мне про это не для того, чтобы задрал нос, а чтобы понимал ответственность. Среди предков наших было много достойнейших людей.

Еще в XVI веке Марцин Бэлза был ректором Ягеллонского университета в Кракове. Знаменит поэт Владислав Бэлза и его брат Станислав, писатель и путешественник. Папа очень гордился знаменитым химиком Юзефом Бэлза - он дружил с семьей Шопенов! В папиной монографии о Шопене приведен портрет нашего предка. Мне всегда внушалось: есть высокое понятие - фамильная честь.

- Родители твои высоко несли это достоинство!

- Поэтому мне многое было нельзя, что могли позволить себе мальчишки.

- Тебя приобщали к польской речи?

- У нас дома часто бывали знаменитые поляки, особенно композиторы. Дома я видел еще молодым великого пана Кшиштофа Пендерецкого, прославленного писателя Ярослава Ивашкевича. Я видел вблизи великих людей музыки, литературы, науки. Но что они будут признаны классиками, я осознал значительно позже. Тогда они, папины друзья, запросто приходили к нам, а мы - к ним. Однажды родители взяли меня к великому Николаю Мясковскому. Жил он тогда на Сивцевом Вражке вместе с сестрой. Мне объяснил отец: Николай Яковлевич - блестящий композитор, к тому же он был офицером царской армии, а потом стал народным артистом Советского Союза.

- В его облике сохранился стиль ушедшего времени?

- Да! С бородкой старорежимной, в манерах очень мягкий человек, но необычайно твердый по духу. Знаешь, в тяже-

лый 48-й, трудный для всей отечественной культуры, в обстановке «ждановщины», Мясковскому досталось! Он тоже слыл формалистом. И в «Правде» появилась статья «Адвокат музыкального уродства» - о моем отце. Это был явно политический донос. Николай Яковлевич встретил папу и сказал:

- Игорь Федорович, не огорчайтесь. Вы только адвокат уродства. А уроды - мы.

И Мясковский посвятил Игорю Бэлзе, моему отцу, «Славянскую рапсодию». И много позже великий маэстро Евгений Светланов сделал запись рапсодии, сохранив посвящение папе.

- Твой отец был не только известнейшим филологом, но и композитором?

- Он и начинал как композитор. В частности, написал музыку к фильму «Арсенал» Александра Довженко. Это была первая, специально написанная музыка к нашему немому кино.

- А кто исполнял музыку во время сеанса?

- Пианист. Но когда в Германии демонстрировался «Арсенал», то там воспользовались оркестровой партитурой отца.

С папой

- Отца пощадила жуткая волна расправ?

- Не совсем. Гонения были страшные. Папу выгнали из Московской консерватории, где он был профессором, выгнали из «Музгиза», где он был главным редактором. В те годы семья бедствовала. Папа подрабатывал переводками - он знал все европейские языки. А когда властям надо было продемонстрировать за границей интеллект советской профессуры, ему позволили читать лекции в Сорбонне на французском. В Вене читал на немецком. В родной Польше - по-польски. В Италии, вообрази, читал по-итальянски о строке стиха Данте.

- Твой папа - достойный наследник княжеской традиции. Отец его Федор дал сыну княжеское имя Игорь. А ты, естественно, князь Святослав.

- За выбор имени я благодарен родителям. Звучит красиво. Старший мой сын - Игорь. Младший - Федор. Оба Бэлзы.

- Генетика пробивается сквозь века!

- Папа многое мне дал на генетическом уровне. Но он и воспитывал меня! Правда, ползающим существом больше занимались мама и бабушка. Потом к

числу моих воспитателей примкнул и кот Бастик. Но когда я начал соображать, отец при его фантастической занятости находил время заниматься со мной английским и французским. Кстати, учился я в знаменитой английской школе в Сокольниках. Для поступления нужно было сдать экзамен. Одно лето отец провел со мной в Паланге. Тогда я уже читал на английском несколько адаптированное издание «Приключений Тома Сойера». А много лет спустя я написал предисловие к тому Марка Твена.

Из уст отца я впервые услышал стихи и имена поэтов Серебряного века - Гумилева, Ходасевича, Ахматовой, с которой папа меня успел познакомиться. Считаю, домашний университет, домашняя консерватория дали мне все-таки больше, при всем уважении к альма-матер, чем филфак МГУ.

- А мама?

- Мама была чудной женщиной! Медик по образованию, она внутренне несла в себе готовность к самопожертвованию ради любимого человека. Мама сразу поняла масштаб личности отца и забросила личную карьеру. А в трудные годы нас содержала, подрабатывала даже шитьем.

Позже она стала писать книги о великих музыкантах, публиковала под девичьей фамилией Зоя Гулинская. В «ЖЗЛ» вышла ее книга о великом чешском композиторе Сметане, потом об Антонине Дворжаке. Написала мама и о друзьях дома - о Мясковском, о Глиэре. В итоге ее приняли в Союз композиторов как музыковеда. Мама, поистине красавица, умела все. Изысканно готовила при отсутствии необходимого обилия возможностей. Наши гости поражались маминной фантазией.

- Князьям на роду написано владеть шпагой, чтоб на турнире или на дуэли пронзить врага.

- В детстве я усвоил: надо научиться фехтованию. Попал к лучшему тренеру Советского Союза - Льву Петровичу Мацукевичу, воспитавшему чемпиона мира и Олимпийских игр Марка Ракичу. Сначала я овладел рапирой, шпага 10-летнему была тяжела. А потом овладел шпагой, вошел в сборную Москвы и стал чемпионом среди юношей. В университете завоевал чемпионство университета. Фехтовал до диплома. Потом, став молодым членом Союза писателей, написал предисловие к «Трем мушкетерам». Чем и горжусь! Лет 30 эта книга издается с моим предисловием. Счастлив, что побывал в Париже, когда прах любимого писателя переносили в Пантеон! Не так давно переиздали мое предисловие к его роману о графе Калиостро «Жозеф Бальзамо».

- Да у тебя, наверное, целая сотня предисловий!

- Один остролов сказал: «Хочешь быть впереди классиков, пиши предисловия!» И я оказался впереди очень многих. Рано отвоевал право писать только про то, что мне нравится самому. С моими предисловиями выходили книги Шекспира, Оскара Уайльда, Дефо, Киплинга, Эдгара По, Грэма Грина, Бальзака, Жюль Верна.

- Многие телезрители об этом не знают, считают тебя прежде всего музыкантом.

С мамой и папой

- Телевизионная популярность с книжной несравнима. Но в советское время книги с моим предисловием выходили тиражом в полмиллиона. А английские сказки - в полтора миллиона! Я по-старомодному считаю себя поборником книги, поскольку папа был библиофилом, он передал мне эту высокую болезнь. Книга важна мне не только как текст, но важна и как произведение полиграфического искусства.

- На твой идеал женщины повлиял образ матери?

- Конечно. Надо признаться, обе женщины, родившие мне сыновей, в чем-то, даже мастью, походили на мою маму. Меня, так сказать, романно привлекали больше блондинки. И, наверное, они доминируют в моем донжуанском списке, но для рождения потомства я выбрал шатенок. Но, увы, идеал оказался недостижим. И потому семейная жизнь у меня не сложилась столь удачно, каким перед глазами был пример родителей.

Самое удивительное - и Нина, мама Игоря, и Ольга, мама Федора, - преподавательницы английского языка.

- В любви на английском объяснялись?

- На всех языках. Ольга - дочь знаменитого киноактера, народного артиста Петра Петровича Глебова, отлично сыгравшего Григория в «Тихом Доне».

- А сыновья?

- У нас мужская дружба. Иногда ходим в ЦДЛ вместе пообедать. Они меня опекают в плане борьбы с компьютером или автомобилем.

- Ты водишь?

- Ну, конечно. В прошлом году моим правам водителя исполнилось 50 лет. На первом курсе университета в 61-м году я их получил.

- Была машина?

- Да нет. Родители не спешили ее покупать - буду гусарить, катать девушек. Наверное, это было правильно. Всему свое время! Первую машину я купил на деньги, заработанные журналистикой и литературным трудом. Сейчас езжу на Land

Rover-Дискавери. Стоит машина во дворе. Я на ней подвозил Вишневу с Ростроповичем, Плисецкую с Щедриным, Архипову с Пьявко.

- Говорят, когда Бэлза слетает с рампы, словно с небес, элегантный, безупречный, в зал направляется головокружительный ветерок европейского дендизма. В тебе всё - сама утонченность.

- За мой облик спасибо папе и маме. Это их заслуга. Мои смокинги, бабочки - неременный атрибут искусства.

- Сейчас многие надевают эти атри-

буты, но на иных смокинг, как на корове седло.

- У меня четыре черных смокинга и один белый. Раньше, когда я вел цикл «Шедевры мирового музыкального театра», в черном вел оперы, а в белом - балет. Теперь балеты ведет мой друг Цискаридзе, а я только оперы. Но белый я люблю надевать где-нибудь на юге, в жаркое время.

- Ты знаменит и к тому же не женат. Для роя невест представляешь соблазн?

- В Москве появилась книга «Самые знаменитые женихи России». Там пять

разделов: олигархи, спортсмены, актеры, поппа. И пятый раздел - классики. Мною, престарелым, открывается список блистательных женихов: Денис Мацуев, Евгений Кисин, Николай Цискаридзе... Они все - мои молодые друзья.

- Кто тебя сманил на телевидение?

- Моим крестным отцом здесь был Юрий Сенкевич - привлек меня в свой «Клуб путешественников». Сначала я рассказывал про Париж, Францию, потом заслужил право рассказывать о других странах. Передачи Сенкевича имели огромную популярность. Меня стали узнавать в метро. Позже мне поручили вести музыкальные передачи. У меня не было музыкального законченного образования. И я сначала несколько засмущался. Но потом здоровый авантюризм и мушкетерские навыки взяли верх.

Занимаюсь тем, что мне нравится. Но, оказывается, это нравится многим. Езжу по стране. Люди смотрят нашу программу «Романтика романса», смотрят оперы, которые я предваряю беседой со знаменитыми певцами, дирижерами, режиссерами. Я утверждаю, само телевидение должно стать искусством. Канал «Культура» к этому неуклонно стремится.

- Какая передача была, можно сказать, твоей «пилотной»?

- Я помню свою первую гостью - знаменитую чернокожую певицу Барбару Хендрик.

- У тебя десятки знаменитых друзей. Но встреча с кем из них стала везением судьбы?

- Назову Грэма Грина и Лучано Паваротти. Скажу, Грин - особая моя удача. Любил его книги всегда. Когда закончил школу, мне подарили его роман «Тихий американец» на английском языке. Там значилась стандартная надпись: «Святославу Бэлзе за отличные успехи и примерное поведение». Я эту книгу показал Грэму Грину. И он сделал другую надпись. Он прав: «Книги, прочитанные в детстве, могут оказать влияние на судьбу».

Окончание на с. 10

С Ириной Архиповой

С Марией Максаковой

С Николаем Дроздовым

С Марком Захаровым

Встреча с ним мне была предсказана. Очень много встречался с ним. Летал к нему в Антиб, когда готовил шеститомное собрание его сочинений, сопровождал в поездках по стране. Помню, перед поездкой в Киев он спросил у меня:

- А Чернобыль не опасен?

Не о себе он беспокоился, думал о своей последней музе – Ивон.

- Мне-то уже все равно.

- **А почему он не мог на ней жениться?**

- Он был католиком и развестись не имел права. Мы троим отправились в Киев. После его выступления в университете мы поехали в Киево-Печерскую лавру. Тогдашний настоятель знал книги Грина. И Грин этим был поражен. И, убежденный католик, он пожертвовал лавре довольно внушительную сумму из своих гонораров на восстановление православной обители.

- **Человек музыкальный, ты любишь поэзию и, думаю, ценишь в стихотворении звук, звучание строки, благозвучность рифмы.**

- Да, я люблю Серебряный век. Мне близки взгляды поэтов. Очень люблю Гумилева. Не скрою, эту любовь привил папа, написал «Похоронный марш» памяти Гумилева. И когда стихи расстрелянного поэта были под строгим запретом, папа из одного из своих огромных шкафов извлек для меня томики Гумилева.

- **Но ты и Мандельштама любишь?**

- Люблю. Папа одним из первых композиторов написал романсы на стихи Мандельштама. В журнале «Наше наследие» напечатаны его воспоминания о Мандельштаме. Он начал свои мемуары с детства, когда в их доме бывал Валерий Брюсов. А мой дед Федор Иванович тогда преподавал римское право в Варшавском университете. Они с Брюсовым говорили на «мертвом» языке - латыни.

- **Стихи Мандельштама по глубине осмысления человеческой судьбы, по музыкальной звучности драгоценны.**

- Поэт замечательно сказал:

Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись.

Написать музыку к стихам – значит, расслышать эту музыку в строе и звучании стиха. Это особый дар. Отец писал романсы и на стихи Пушкина, Блока и Гумилева.

- **Ты говорил, что ты был в восторге от книги «История моей жизни» Джакомо Казановы, великого авантюриста. Его любили Цветаева, Ахматова, Стефан Цвейг.**

- Естественно. Мемуары Казановы - вещь потрясающая. Мне кажется, что у Цвейга проглядывала к нему некая мужская зависть. Мемуары настолько хорошо написаны, что родилось подозрение - мол, это мистификация Стендаля.

Я начал заниматься Казановой еще в советское время. Писал о нем в «Неделе», в «Науке и жизни», и потом, когда я поехал в тогдашнюю Чехословакию, то побывал в богемском Дуксе. Там Казанова провел свои последние 13 лет жизни - библиотекарем графа Вальд-

штейна, там он и похоронен. Точно неизвестна его могила, как и Моцарта.

Мне за популяризацию Казановы вручили от имени Международного общества Казановы медаль. Авантюристов в XVIII веке было много, но Казанова был удивителен. Цвейг прав, никто не описал так точно быт XVIII века, как Казанова, - от великих салонов до прионов. Жизнь прожил бурную. Его плащ был покрыт пылью дальних дорог, в том числе и русских. Он ведь встречался со всеми великими от Вольтера и Дидро до Фридриха Великого и Екатерины II.

- **Казанову я вспомнил ради одного его суждения, на мой взгляд, это чувство сидит и в тебе. Слушай: «Я люблю женщин до безумия, но всего более предпочитаю свободу».**

- Мне близко еще одно его высказывание: «В жизни я придерживался одной системы: она состояла в том, чтобы идти туда, куда меня гнал ветер».

- **Блеск!**

- Он часто влюблялся. В его донжуанском списке были и герцогини, и графини, и простыя крестьянки, и гостиничные девушки. Но самой большой его любовью была Генриетта. Он собирался связать себя узами Гименея, но всё отступало перед новой страстью.

- **Чем же он покорял женщин?**

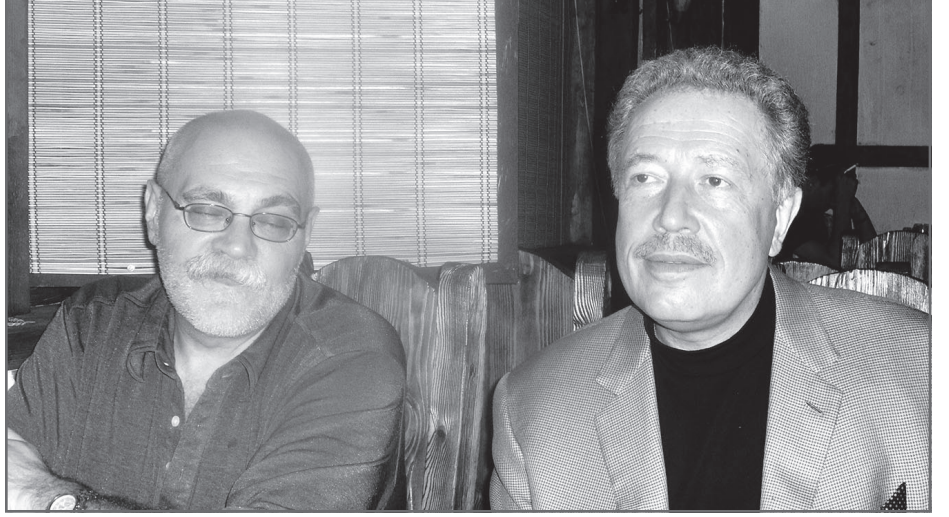
- Во-первых, он был щедр и стремился доставить удовольствие в первую очередь женщине. Когда спустя годы он вновь приезжал в город своих приключений, матери приводили ему своих дочерей, чтобы они тоже познали эту высокую радость.

- **До меня доходил слух, что твоему папе однажды предложили сыграть роль Черчилля.**

- Как-то вернулись мы с мамой из города, и папа, смеясь, поведал:

- Мне только что звонил кинорежиссер Юрий Озеров, предложил сыграть Черчилля в его киноэпопее «Освобождение». Соблазнял: съемки будут в Праге. И я ему объяснил: почетный доктор Кар-

С Геннадием Нордом

С Бастиком II

лова университета не может предстать лицедеем.

Папа отшутился.

Знаешь, не всем людям присуща адекватность самооценки. В свое время Зархи предложил Муслиму Магомаеву роль Вронского в «Анне Карениной», и он отказался. И эту роль сыграл Василий Лановой. Но Муслиму предлагали еще и роль Остапа Бендера. Замечательному певцу не была свойственна дурная сегодняшняя привычка - хвататься за всё. Глубокий человек, к тому же еще художник, композитор, отказался.

- **Тебе доводилось вести прямые трансляции из Парижской Гранд Опера, из Венского Золотого зала «Музик Ферайн», из театра Ла-Скала. В этих, вероятно стрессовых условиях, наверное, действуют совершенно другие правила?**

- Конечно, волнений больше и, еще, - очень ограничено время. Все осложняется и тем, что мы выезжаем не со своей съемочной группой, а приглашаем либо французских, либо австрийских, либо итальянских коллег. С одной стороны у них - великолепная аппаратура, и четкость, слаженность взаимодействия, с другой - приходится учитывать их правила игры. Одно дело, ты работаешь со своим ПТС, с давно знакомым, а то и другом режиссером, операторами, другое дело - иностранцы, у которых свои навыки, представления.

- **Когда ты являешься непосредственным участником такого события, удается ли самому побывать на спектакле?**

- Да, конечно.

- **Фридрих Ницше сказал: «Культура - это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом». Чтобы не сгореть в нем в наше время, нужно ли надевать защитный скафандр?**

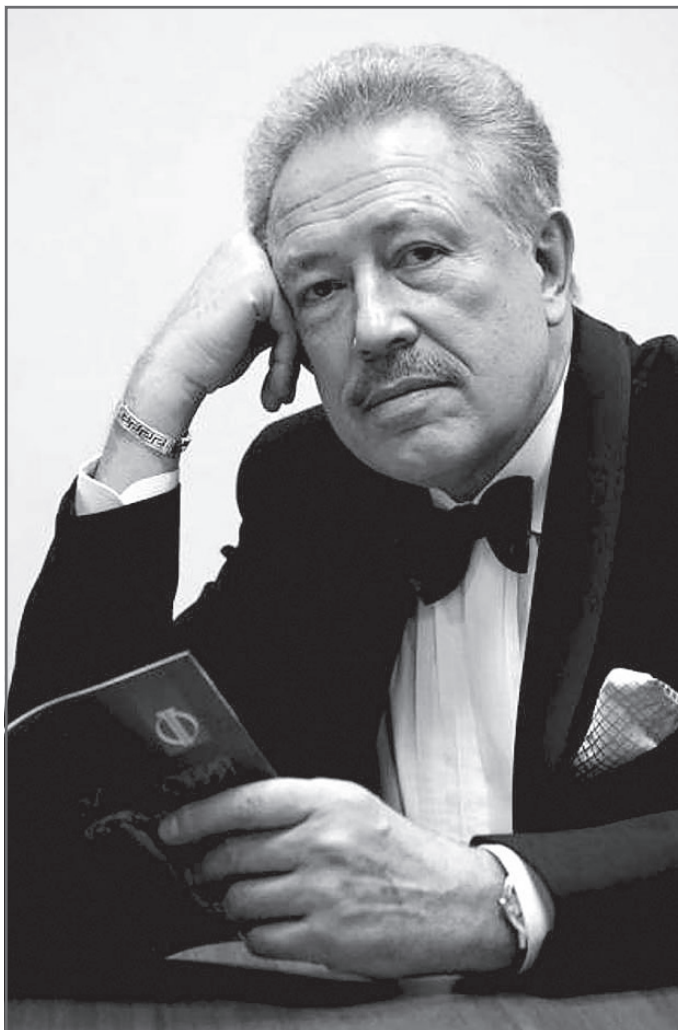
- Я бы предпочел не скафандр, а какие-нибудь рыцарские доспехи. Признаться меня, как бывшего мушкетера, больше устраивает метафоричность, которая ближе к романтике, хотя мы живем в век покорения космоса. Но я, все-таки, как писал Гумилев о себе, «древних ратей воин отсталый». Конечно, нужно быть в доспехах: с детства должны быть воспитаны нравственные устои и принципы. Мне, конечно же, повезло, что я родился в такой семье, где у меня была и домашняя консерватория, и домашний университет, почище государственных, и роскошная библиотека. Но я преклоняюсь перед теми людьми, которые, как говорят англичане, self-made-man, - человек, который сам себя сделал. А высочайший для меня пример такого интеллигента в первом поколении - это Василий Макарович Шукшин. Он был страстным книголюбом, и это во многом способствовало тому, что он стал таким прекрасным писателем, актером и режиссером...

- **Как ты относишься к своим многочисленным наградам?**

- Как говорил Козьма Прутков, поощрение столь же необходимо таланту, как канифоль смычку виртуоза. Мне было очень приятно, когда у меня появились те же награды, что и у папы. У меня дома два ордена: один - папин, один - мой, это офицерские кресты Ордена заслуги республики Польша.

- **А ты знаешь свой родной язык?**

- Да, конечно. Я вел на польском языке тот знаменитый концерт в Варшавском

Большом театре, который транслировался на многие страны мира. Такого уровня представительного праздника музыки там никогда до этого не было: хор Минина, Николай Петров, Максим Федотов, Маквала Касарашвили, Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева, Татьяна Чернобровкина. Годы спустя об этом концерте вспоминают и говорят. Это событие, в известной мере, можно считать поворотным в развитии культурно-политических отношений. Часто деятели культуры идут впереди политиков.

- А сейчас ты что-то пишешь?

- Несмотря на то, что телевизионный образ давно затмил мою литературно-критическую деятельность, я продолжаю кое-что писать. Недавно вышли тома Дюма, Марка Твена с моими предисловиями.

Когда к печати готовились мемуары Ирины Архиповой, Муслима Магомаева и Грэма Грина с моими вступительными статьями, я много общался с редакторами издательства. Они сказали:

- Вы столько знаменитых людей встречали! Самому уже надо мемуары писать! Я говорю:

- Если прислушиваться к веяниям времени, я бы дал воспоминаниям коммерческое название «С кем я выпивал».

Начал перечислять. Причём говорил только об ушедших, чтобы не скомпрометировать тех, с кем ещё продолжаю выпивать. И так, я пил виски с Грэмом Грином, ламбруско - с Паваротти, бордо - с Рудольфом Нуриевым, чай - с Изабел-

лой Юрьевой, горилку - с Козловским, водку в Магадане - с Вадимом Козиним.

В издательстве вскричали:

- Не продолжайте! Берём!

- Тяжело общаться с великими?

- Знаешь, не только я веду передачи, но и передачи ведут меня. Мне повезло повстречаться, а иногда

и подружиться с теми, кто определяет лицо мировой культуры. Общаюсь с людьми самого высокого полёта, я убеждался: чем масштабнее человек, тем он проще. Надутость, фанаберия присущи нашей попсе. Лимузин такого-то цвета, коньяк такой-то в гримёрку. Всё это от комплекса неполноцен-

ности. Ещё Флобер говорил: «Не надо прикасаться к кумирам руками, а то на пальцах остаётся позолота». Но если личность настоящего золотого чекана, этой пыли не остаётся.

- Проблемы с гостями твоих программ бывали?

- Бывали забавные случаи. Я много лет дружил со знаменитой музыкальной четой Тамара Синявская - Муслим Магомаев, но они никак не приходили ко мне в передачу «В вашем доме». Тамара Ильинична всё говорила:

- Мне не нравится красная обивка кресел.

В итоге их поменяли, артисты пришли. И это оказалась одна из самых удачных программ!

- Есть у тебя домашние питомцы?

- Я страстный кошатник. В моей жизни было два великих кота - Бастик I и Бастик II. Когда вспоминаю их, на ум приходит знаменитая булгаковская фраза: «Мне кажется, вы не очень-то кот».

Коты умеют себя поставить, взять хозяев в услужение. Бастик II, роскошный чёрно-белый перс, возможно, был известнее меня. Мой друг Николай Дроздов снимал о нём сюжет для программы «В мире животных». Ира Петровская посвятила памяти Бастика II специальную передачу. В честь своих котов я начал собирать изваяния этих красивых животных. Это уже своего рода болезнь. В Лувре, где продают копии музейных экспонатов, купил скульптуру богини Баст - женщины с кошачьей головой. В её честь, кстати, и были названы мои любимцы.

В Египте первым делом ринулся в Каирский музей, где хранятся мумии котов. Привёз оттуда изваяния из вулканического камня, мрамора. Одну роскошную фарфоровую кошечку мне привезла из Карловых Вар Ирина Константиновна Архипова. Двух бронзовых котов подарила другая великая женщина - Татьяна Тарасова.

В своё время я к маме «подъезжал» и насчёт собаки. Но мама уверяла, что я ей вполне заменяю сенбернара.

- Главное везение в твоей жизни?

- Главными везениями своей жизни считаю встречи с писателем Грэмом Грином и знаменитым тенором Лучано Паваротти. Помню, как мы ездили с Паваротти на конезавод в Успенское покупать ему лошадь украинской породы по имени Вариация. Конюхи фамиллярно звали её Варькой.

В родном городе Модене у Паваротти уже тогда было 25 лошадей.

Когда мы посадили Лучано в тройку, я спросил:

- Как вы себя чувствуете?

- Как царь!

Перед этим мы делали интервью в Большом театре, и Паваротти заявил: в прошлой жизни он был русским:

- Когда в 4 года впервые услышал «Картинки с выставки» Мусоргского, я понял, что знал эту музыку раньше.

Однажды Лучано меня спросил:

- Ты женат?

- Нет, разведён.

- А я живу в женском царстве. Женись на моей дочке. Условие только одно: надо жениться на всех трёх сразу, потому что они неразлучны.

